

Незнакомка / рассказ

Category: Некаýалар, Кітарсу

написано кітарсу | 23 января, 2025

Незнакомка / рассказ НЕЗНАКОМКА

Говорили об удачах в любви, и каждый рассказывал что-нибудь необыкновенное об удивительных и чарующих встречах в вагоне, в гостинице, за границей или где-нибудь на пляже. Пляжи, по словам Роже дез-Аннет, особенно благоприятствуют любви.

Спросили мнение молчавшего до сих пор Гонтрана.

– Париж и тут на первом месте, – сказал он. – Женщины – как драгоценные безделушки: мы их больше всего ценим там, где вовсе не рассчитываем встретить; но настоящую-то редкость можно встретить только в Париже.

Он помолчал несколько секунд, затем продолжал:

– Какая прелесть, ей-богу. Пройдитесь-ка весенним утром по нашим улицам; милые нарядные женщины прогуливаются по тротуарам, и кажется, будто это распускающиеся цветы. О чудное, чудное, чудное зрелище! В воздухе пахнет фиалками, теми фиалками, что цветочницы медленно везут в тележках вдоль тротуаров.

В городе весело, и взоры обращены на женщин. Право, до чего они соблазнительны в своих светлых платьях, в легких платьях, сквозь которые просвечивает тело, И вот бродишь, возбужденный, настороженный, бродишь, вынюхиваешь, выслеживаешь. До чего же хорошо в такое утро!

Ту, которая понравится вблизи, замечаешь еще издали; ее выделяешь и узнаешь за сотню шагов. Угадываешь по цветку на шляпе, повороту головы, походке. Она приближается. «Внимание, – говоришь себе, – вот она!» И идешь ей навстречу, пожирая ее глазами.

– Кто она – девчонка ли на посылках из какого-нибудь магазина, молодая ли дама, которая возвращается из церкви или идет на любовное свидание? Не все ли равно? Под прозрачным корсажем выдается округлость груди. О, если бы можно было коснуться ее рукой!.. рукой или губами! Застенчив или смел ее взгляд,

брюнетка она или блондинка? Не все ли равно? От легкого прикосновения к этой проходящей мимо женщине по спине пробегает дрожь. И как желаешь ее до самого вечера, ту, с которой встретился случайно! О, я сохранил воспоминание не меньше чем о двадцати женщинах, которых видел раз или десять раз таким вот образом и в которых мог бы безумно влюбиться, если бы узнал их поближе.

Но вот беда: с теми, кого мы могли бы страстно любить, мы никогда не знакомы! Вы это замечали? Это очень странно. Порою мелькнет женщина, от одного вида которой загораясь желанием. Но таких только встречаешь лишь на миг! Когда я начинаю думать о всех пленительных существах, которых мне случалось задевать локтем на парижских улицах, я испытываю такое бешенство, что готов повеситься. Где они? Кто они? Где можно вновь встретить, вновь увидеть их? Пословица говорит, что часто проходишь мимо счастья, и я убежден, что не раз проходил мимо той, которая могла бы изловить в сети меня, как коноплянку, заманив свежестью своего тела.

Роже дез-Аннет слушал с улыбкой, потом ответил:

– Мне знакомо это так же, как и тебе. Вот что случилось со мной самим. Лет пять тому назад я впервые встретился на мосту Согласия с одной высокой, несколько полной молодой женщиной, которая произвела на меня впечатление... огромное впечатление!.. Представьте себе: брюнетка, пышная брюнетка, блестящие волосы, прикрывающие весь лоб, широкие дуги сросшихся бровей, идущие от виска к виску. Маленькие усики на губах заставляли мечтать и мечтать... ну, как мечтаешь о любимых лесах, увидев на столе букет цветов. У нее была стройная талия и очень высокая грудь, которая словно бросала вызов, манила, искушала. Глаза напоминали чернильные пятна на белой эмали. Это были не глаза, а сияющая черная бездна, глубокая бездна, через которую можно было заглянуть, проникнуть в душу этой женщины. О странный взгляд, загадочный и пустой, лишенный мысли, но такой прекрасный!

Мне показалось, что она еврейка. Я пошел за ней следом. Многие мужчины оглядывались на нее. Она шла, немного раскачиваясь, не совсем грациозной, но волнующей походкой. На площади Согласия

она наняла фиакр. А я стоял, как дурак, у Обелиска, стоял, потрясенный таким сильным порывом желанья, какого мне не случалось испытывать.

Я думал о ней по крайней мере три недели, потом позабыл ее.

Через полгода я снова встретился с ней на улице Мира и, увидев ее, почувствовал, что сердце мое дрогнуло, как при встрече с любовницей, когда-то любимой до безумия. Я остановился, чтобы лучше видеть, как она приближается. Когда она прошла мимо, почти коснувшись меня, мне показалось, что меня обдало жаром, как из печи. А когда она удалилась, у меня было такое ощущение, словно свежий ветер овеял мне лицо. Я не пошел за ней. Я боялся наделать каких-нибудь глупостей, боялся самого себя.

Она часто являлась мне во сне. Ты знаешь, что это за наваждение.

Я не видел ее целый год. Но как-то вечером, при заходе солнца, приблизительно в мае, я шел по Елисейским Полям и узнал впереди ее фигуру.

На огненной завесе неба вырисовывалась арка Звезды. Воздух был наполнен золотистой пылью, подернут огненной дымкой. Это был один из чудеснейших вечеров, которые являются как бы апофеозом Парижа.

Я пошел за ней, обуреваемый бешеным желанием заговорить, броситься на колени, рассказать ей о душивших меня чувствах. Два раза я обгонял ее и опять возвращался. Два раза я вновь испытал, проходя мимо нее, то ощущение палящего жара, которое потрясло меня на улице Мира.

Она посмотрела на меня. Потом я увидел, как она вошла в один дом на улице Пресбур. Я прождал у подъезда два часа. Она не вышла. Тогда я решился спросить консьержа. Тот поглядел на меня с недоумением.

— Вероятно, она пришла к кому-нибудь в гости, — сказал он.

Я не видел ее еще восемь месяцев.

Но вот как-то январским утром, когда стоял сибирский холод, я бежал, чтобы согреться, по бульвару Мальзерб и вдруг на углу одной из улиц так сильно толкнул какую-то женщину, что она выронила из рук маленький сверток.

Я хотел извиниться. Это была она!

Сперва я совершенно остолбенел, затем, подавая ей упавший сверток, сказал неожиданно для самого себя:

– Сударыня, я огорчен и в то же время восхищен, что так неловко толкнул вас. Вот уже более двух лет, как я знаю вас, очарован вами и жажду быть вам представленным; но никак не мог узнать, кто вы и где вы живете. Простите мне эти слова и отнесите их к моему страстному желанию быть в числе тех, кто имеет право вам кланяться. Не правда ли, такого рода чувство не может оскорбить вас? Вы меня совсем не знаете. Меня зовут барон Роже дез-Аннет. Наведите справки, и вам скажут, что я человек, достойный быть принятым. Если же вы откажете в моей просьбе, то сделаете меня бесконечно несчастным. Итак, будьте великодушны, дайте мне возможность, укажите способ вас видеть. Она пристально посмотрела на меня своим странным мертвым взглядом и ответила с улыбкой:

– Дайте ваш адрес. Я приду к вам.

Я был настолько поражен, что, вероятно, она это заметила. Но так как я всегда довольно скоро оправляюсь от подобных неожиданностей, то поспешил вручить ей свою визитную карточку, которую она быстрым жестом сунула в карман; рука ее, видимо, привыкла ловко припрятывать такие записки.

Осмелев, я пролепетал:

– Когда же я вас увижу?

Она призадумалась, словно делая сложный расчет, наверно, стараясь вспомнить, как распределено ее время час за часом, затем шепнула:

– Хотите в воскресенье утром?

– Конечно, хочу!

И она удалилась, осмотрев меня с ног до головы, оценив, взвесив, изучив меня своим тяжелым блуждающим взглядом, как будто оставлявшим на коже след чего-то липкого, похожего на густую жидкость, которую выпускает спрут, чтобы замутить воду и усыпить жертву.

До самого воскресенья я напрягал свой мозг, стараясь угадать, кто же она, и решить, как вести себя с нею.

Надо ли ей заплатить? И как это сделать?

В конце концов я купил драгоценность – колечко, которое и положил в футляре на камин.

Плохо проспав ночь, я стал дожидаться ее прихода.

Она пришла около десяти часов, совершенно спокойная, совершенно невозмутимая и протянула мне руку, как старому знакомому. Я усадил ее, взял у нее шляпу, вуаль, горжетку и муфту. Затем я начал, не без некоторого смущения, усиленно ухаживать за нею, так как не желал терять время.

Впрочем, она не заставила себе просить, и мы не обменялись и двадцатью словами, как я уже начал раздевать ее. Она продолжала это трудное дело одна, так как мне никогда не удается довести его до конца. Я постоянно колю себе руки булавками, затягиваю тесемки в безнадежные узлы, вместо того, чтобы развязать их; я все путаю, со всем опаздываю и теряю голову.

Ах, милый друг, знаешь ли ты в жизни что-нибудь прелестнее минуты, когда, отойдя из скромности в сторону, чтобы не тревожить свойственной им всем стыдливости страуса, ты глядишь, как та, которая раздевается для тебя, сбрасывает все свои шелестящие одежды, и они, одна за другой, ложатся кольцами у ее ног?

И что может быть красивее движений, которыми она расстегивает эти милые одежды, и они падают на пол, пустые и вялые, словно вдруг лишённые жизни? Что за прекрасное и захватывающее зрелище, когда снят корсет и показываются нагие плечи и грудь, до чего волнуют очертания тела, угадываемые под последним покровом:

Но тут, когда она повернулась ко мне спиной, я заметил нечто поразившее меня – черное пятно между плечами, большое, выпуклое, совсем черное пятно. А я еще обещал не смотреть на нее.

Что же это было? Ошибиться я не мог, а воспоминание о ясно проступающих усиках, о сросшихся бровях, о копне волос, покрывавшей, как шлем, ее голову, должно было подготовить меня к такому сюрпризу.

И все-таки я оторопел, и внезапно мной овладели какие-то странные видения и воспоминания. Мне казалось, что я вижу

волшебницу из Тысячи и одной ночи, одно из тех опасных и коварных созданий, чье назначение –увлекать людей в неведомые бездны. Я подумал о царе Соломоне, который заставил царицу Савскую пройти по зеркалу, чтобы убедиться, что у нее нет копыт.

И... и, когда настало время пропеть ей песнь любви, я обнаружил, что у меня пропал голос, что не осталось, дорогой мой, даже самого слабенького голоска. Виноват, у меня оказался голос папского певчего, что ее вначале удивило, а потом чрезвычайно разгневало, и она сказала, торопливо одеваясь:

– Бесплезно было беспокоить меня.

Я хотел было заставить ее принять купленное для нее кольцо, но она произнесла с таким высокомерием: «За кого вы меня принимаете, сударь?» – что я покраснел до ушей от этого нового унижения. И она ушла не сказав больше ни слова.

Вот и все мое приключение. Но хуже всего то, что теперь я влюблен в нее, влюблен до безумия.

Я больше не могу видеть ни одной женщины, чтобы не подумать о ней.

Все другие мне противны, отвратительны, особенно те, которые ничем ее не напоминают. Я не могу поцеловать щеки, чтобы не видеть рядом ее щеку и не почувствовать жестокой муки неутоленного желания.

Она присутствует на всех моих любовных свиданиях, она отравляет все мои ласки, делая их ненавистными мне. Одетая или нагая, она всегда подле меня, как самая желанная любовница; видимая мне, но неосязаемая, она стоит или лежит тут же, рядом с другой. И я теперь думаю, что она действительно была колдунья с таинственным талисманом между плечами.

Кто она? Я до сих пор этого не знаю. Я встретил ее еще два раза. Я поклонился ей. Но она не ответила на поклон, притворившись, что не знает меня. Кто она? Быть может, какая-нибудь азиатка? Вероятно, еврейка с Востока! Да, еврейка! Но почему я это решил? Почему? Да, почему? Не знаю!

* * *

Напечатано в «Жиль Блас» 27 января 1885 года.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 6. МП
«Аурика», 1994

Перевод В. Мозалевского. Некаýаlar